

Трупы людей из клана Чжан были разбросаны по всему этому подземному каменному залу, причем больше всего тел скопилось ближе к стенам.

Помимо этого, в грязи также таилось немало мертвых змей, насекомых и чудовищных тел.

Несколько уродливых трупов в каменном зале уже были уничтожены членами клана Чжан, но змей и насекомых здесь водилось слишком много. И хотя клан Чжан справился с частью из них, немало тварей всё еще оставалось в живых — просто сейчас, страшась ауры крови Циляня, они лишь жались в грязи и не смели приблизиться.

Но стоило эффекту крови Циляня исчезнуть, как они вновь явили бы свою жестокую и кровожадную натуру.

Су Синцзэ огляделся по сторонам и заметил, что некоторые из погибших членов клана Чжан пали от лап чудовищ, тогда как смертельные раны на телах других были нанесены людьми.

Единственными людьми в этом месте были члены клана Чжан. Похоже, разобравшись с монстрами, эта группа внезапно перебила друг друга в междоусобной резне, что и привело к столь плачевной картине.

Ребенок, привлечший первоначальное внимание Су Синцзэ, сидел возле одного из тел. Судя по расположению трупа и характеру ранений, Су Синцзэ предположил, что этот человек погиб, защищая малыша.

Лицо и тело ребенка были сплошь покрыты кровью, а на худеньком личике застыло пустое выражение, из-за чего он казался совершенно ошеломленным. Су Синцзэ окружил себя защитным куполом, прежде чем явить свой истинный облик, и, подплыв ближе, принялся с интересом разглядывать ребенка, наблюдая за малейшими изменениями в его мимике с момента своего появления.

Заметив его, пустой взгляд мальчика на миг дрогнул, но тут же он снова опустил ресницы и уставился на лежавший перед ним труп, всем видом показывая, что Су Синцзэ ему абсолютно неинтересен.

Такая реакция совершенно превзошла ожидания Су Синцзэ. Как-никак, до того как стать запретным существом, он принадлежал к мифическому роду. Его природная красота и врожденное очарование Цзяожэней были таковы, что стоило ему появиться — и никто уже не мог отвести глаз, даже если он не предпринимал для этого никаких усилий.

Эта притягательность не зависела ни от возраста, ни от пола; не было таких людей, кого не околдовали бы Цзяожэни. Маленькие дети с их неокрепшим умом и вовсе поддавались этому влиянию с легкостью.

Но этот ребенок... с какой стати он никак не отреагировал?!

Поначалу Су Синцзэ испытывал к мальчику лишь мимолетный, крошечный интерес, и вызван тот был исключительно его необычной душой. В отличие от душ других людей, раскрашенных в самые разные цвета и насквозь пропитанных желаниями, душа этого ребенка была очень чистой. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: души всех детей чисты, и лишь со

временем они пропитываются всевозможными запахами и оттенками.

Но душа этого ребенка отличалась от душ остальных детей.

Белая душа, но без ослепительного сияния — блеклые тона, неприметные и даже несколько скудные, но от них веяло удивительным покоем и уютом.

Странная душа, но Су Синцзэ она вовсе не была неприятна.

Он снова подплыл к ребенку, зависнув всего в тридцати сантиметрах от него. Только приблизившись, он заметил на труп со стороны ребенка глубокий порез, который, впрочем, не был смертельным.

Су Синцзэ посмотрел на рану на теле, затем на окровавленный маленький нож, валявшийся рядом с мальчиком, и внезапно всё понял.

— Ты испытываешь чувство вины?

Внезапно раздавшийся голос Цзяожэня был по-детски нежным, и хотя Цзяожэнь пытался говорить глубоким тоном, тот всё равно звучал мягко и сладко. Однако ребенок от этих слов вздрогнул, будто его кольнули острой иглой, и его тело слегка затряслось.

Су Синцзэ с довольным видом наблюдал за его реакцией. Он облетел вокруг мальчика по кругу, положил голову ему на плечо и, склонив голову набок, заглянул в лицо.

— Почему ты чувствуешь себя виноватым?

При более близком рассмотрении Су Синцзэ смог заметить куда больше деталей, ускользнувших от него прежде.

— Какими бы ни были ваши отношения, этот человек явно к тебе не добрел.

Су Синцзэ мог с уверенностью сказать, что мертвец не был близким родственником ребенка. Между ними действительно существовала кровная связь, но весьма отдаленная — по меньшей мере в седьмом колене.

— Если бы он действительно о тебе заботился, ты бы не выглядел сейчас столь исхудавшим.

Мальчик перед ним был невероятно тощим — на его лице даже не проступала детская пухлость, свойственная возрасту, но это была не та худоба, что случается от истощения.

На теле ребенка обнаружили следы тренировок. Кости хранили остаточные следы старых травм, а поскольку после нагрузок за ним должным образом не ухаживали, это, хоть и не привело к необратимым повреждениям, наверняка оставило немало последствий.

Учитывая его возраст, больше всего это грозило задержкой развития — даже обладая он Родословной Циляня, его рост всё равно неизбежно пострадал бы от этого. Жизненные условия этого ребенка явно были не лучшими: на его теле хватало старых шрамов. Некоторые из них выглядели так, будто были получены случайно, но другие явно не имели к случайностям никакого отношения.

Например, те густые, сплошные порезы на руках ребенка.

Ребенок, чье тело было сплошь покрыто шрамами, совершенно точно рос без какой-либо любви и заботы.

Малыш не обратил на него внимания и лишь отрешенно смотрел на лежащий перед ним труп.

Он, конечно, знал, что этот человек относился к нему не слишком хорошо. В Клане Чжан он рос среди всеобщего презрения, а этот мужчина приходился ему приемным отец, по крайней мере, на данный момент, и обеспечивал его кровом и едой.

В этот раз сородичи привели его сюда лишь потому, что его кровь обладала способностью отгонять насекомых. Этому человеку на самом деле не обязательно было идти сюда, но он присоединился к отряду именно ради него.

Когда они ранее угодили в иллюзию, мальчик инстинктивно атаковал все вокруг. Тот удар нанес он сам — рана была не смертельной, но именно она в итоге сгубила мужчину.

Когда остальные вокруг почти перебили друг друга, он наконец пришел в себя. Глядя на тело этого человека, он чувствовал лишь тяжесть на душе.

— Маленький Цилянь.

Лицо Цзяожэня увеличилось прямо перед ним, щеки слегка округлились, и мягкость кожи была видна невооруженным глазом.

— Как тебя зовут?

Су Синцзэ сказал ребенку очень много слов, но этот странный малыш никак не реагировал. Он даже начал сомневаться, не марионетка ли перед ним, однако тело ребенка было теплым и он дышал, так что во всех смыслах это был живой человек.

— Ты что, немой? — он придвинулся ближе, чтобы получше рассмотреть ребенка, хотя их лица уже почти соприкасались, но малыш по-прежнему не проявлял никаких эмоций.

Нет, некоторая реакция все же последовала.

Мальчик слегка нахмурился, явно показывая, что Су Синцзэ со своей болтовней ему в тягость.

Су Синцзэ понял это выражение лица.

—...

Су Синцзэ холодно усмехнулся, и его рыбий хвост, превышавший длину его собственного тела более чем в два раза, бесшумно обвился вокруг ребенка. Хвост начал медленно сжиматься, и он наконец-то услышал голос мальчика, о котором так долго мечтал.

...Он не рассчитал силу, ребенок издал приглушенный стон, и его и без того слабое тело не выдержало, погрузившись в обморок.

Увидев это, Су Синцзэ замер с окаменевшим лицом и, словно совершив что-то непотребное, поспешно разжал хвост.

Он раздраженно взмахнул им и уже хотел с силой ударить о землю, чтобы унять внутреннее беспокойство, как вдруг вспомнил, что земля вся в грязи, смешанной с водой, кровью и трупным ядом.

Уже занесённый хвост замер на весу. Су Синцзэ оглянулся на потерявшего сознание ребенка и мысленно цыкнул.

Ладно, не стоит сводить счеты с неразумным сопливым мальчишкой.

Редко когда сюда забредает хоть какое-то живое существо, которое не вызывает раздражения, а если и его прикончить, то неизвестно, сколько придется ждать появления второго человека.

Су Синцзэ подплыл к ребенку и коснулся пальцем его раны — кровотечение, до сих пор сочившееся из порезов, мгновенно остановилось.

Он не стал исцелять всё до конца, потому что в этой подземной пещере, где, казалось, из живых остался лишь один ребенок, нашелся еще один уцелевший.

Среди мертвых тел кто-то шевельнулся. Силуэт Су Синцзэ постепенно растворился в воздухе, а в это время тот самый выживший член Клана Чжан приподнялся.

Его тело было покрыто ранами самого разного размера, живот пробит насквозь, на руках и ногах виднелись следы от укусов чудовищных трупов, а вокруг ран зловеще чернела чернота, впрочем, эта чернота постепенно бледнела.

Мертвые чудовища были ядовитыми, и он потерял сознание от совместного действия кровопотери и трупного яда. К счастью, телосложение людей из Клана Чжан было особым, а яд проник не слишком глубоко, так что природная выносливость помогла организму справиться с отравой. Именно благодаря этому он избежал гибели от яда и чудом выжил в той междоусобной резне.

Пролитая перед битвой кровь Циляня начала застывать, и ее сдерживающая сила против змей и насекомых ослабла. Услышав раздраженное шуршание мелкой живности и полагаясь на то, что кровь Циляня все еще сохранила некоторую пользу, мужчина быстро и без лишних слов принялся обрабатывать собственные раны.

Закончив, он стал осматривать усеянное телами поле боя и в конце концов остановился рядом с ребенком.

Присев на корточки, он проверил дыхание мальчика и, узнав его, слегка изменился в лице, а во взгляде промелькнуло сложное чувство.

Столько людей погибло, а он, надо же, остался жив.

В этот момент из глубокой грязи донесся всплеск воды, словно нечто поднималось со дна.

Лицо мужчины резко переменилось, он подхватил на руки еще живого ребенка и стремительно бросился прочь.

Операция провалилась, а вспомнив злонамеренно спровоцированную междоусобицу, он лишний раз убедился в том, что в клане завелся предатель. Ему нужно было как можно скорее доставить эту весть обратно своим.

<http://bllate.org/book/22432/2355738>